

АНАТОЛИЙ ТИХОМИРОВ

ВОСПИТАТЬ ПАЛАЧА

ЧАСТНЫЙ СЫЩИК АНТЬХИН

Аннотация

Странные, почти мистические преступления происходят в когда-то тихом провинциальном городе Верхнегорске. Бывший следователь особого отдела, отставной майор МВД, а ныне директор частного сыскного бюро Владимир Антыхин вступает в схватку с преступным миром Верхнегорска. А преступления, ой, какие непростые. В повести «Воспитать палача» — это жестокое убийство актрисы в театре во время спектакля, в повести «Тайна скифской чаши» — кража уникальной скифской чаши из краеведческого музея, причём сюжет повести развивается не только в наши дни, но и в древнем мире до нашей эры, в повести «Ангелы света» от рук убийц погибают влиятельные люди города... Черода преступлений изменяет не только жизнь города Верхнегорска, но жизнь самого следователя Владимира Антыхина, он находит врагов и новых друзей, встречает любовь, которую уже и не ожидал встретить...

Анатолий Тихомиров

Воспитать палача

Глава первая

Утопающий в зелени яблоневых и вишнёвых садов, по — провинциальному тихий город Верхнегорск, известный разве что красотой своих церквей, да уникальным зданием старинного театра, потрясло страшное известие. Во время вечернего спектакля, в антракте, была убита актриса городского драмтеатра — Екатерина Морозова. Она была всеобщей любимицей. Редкий для провинции талант, красавица — как говорила о ней местная публика. Поэтому не удивительно, что на следующий день после убийства, на театральной площади с утра толпились любопытствующие. А между тем, никто ничего не мог прибавить к уже известной информации. Ни полиция, ещё с ночи выставившая посты вокруг театра, ни коллеги погибшей, ни вездесущие журналисты-газетчики...

И если вчера городское телевидение оказалось проворнее всех, первым сообщив в ночном выпуске новостей о преступлении, то, сегодня, и оно хранило молчание. До этого дня жителям Верхнегорска всегда казалось, что в их городе ничего такого ужасного не может произойти. Где-то

там, далеко, в чужих землях террористы взрывали дома и автомобили, по чужим городам и посёлкам бродили кровавые маньяки-наследники Чикотило, а в их городе всегда было спокойно. Люди как-то незаметно рождались, незаметно жили, и умирали, вообще-то, тоже незаметно. И вдруг — УБИЙСТВО! Жестокое и, как всем казалось, бессмысленное. Это конечно, Слава Богу, не взрыв дома, но привычное душевное равновесие жителей города всё же было нарушено.

Оперативная группа, с особой тщательностью обследовав место преступления, явных улик не обнаружила. Следов же обуви и отпечатков пальцев было великое множество, поэтому подозревать можно было практически всех, кто служил в театре. Екатерина Морозова была открытым, общительным человеком. К ней в гримёрную часто заходили не только по делу, но и просто поболтать — и гримёры, и костюмеры, и коллеги-актёры. Вот и вчера, во время репетиции и перед началом спектакля, здесь побывало немало народу.

Но после первого действия, в антракте, как уверяли все в один голос, кроме самой Морозовой в гримёрную никто не успел зайти. А когда сотрудники театра открыли дверь, Катя уже была мертва и, кроме неё, в помещении больше никого не было. Всё тут выглядело как обычно. Только выдвинутый ящик гримёрного столика да

опрокинутый стул свидетельствовали о какой-то борьбе. Возможно, Морозова сопротивлялась, сидя на стуле, а потом вместе с убийцей упала на пол. Но это только предположение, не более того. Можно было допустить, что преступник, убив Морозову, выбрался через окно в парк. Но ни на подоконнике, ни внизу, где зеленела густая трава, никаких следов не было обнаружено. Сотрудники полиции прекрасно понимали, что такое громкое дело привлечёт пристальное внимание общественности, да и собственное начальство будет требовать скорейшего раскрытия преступления. А, поди раскрой его, если даже овчарка след не берёт.

Родители убитой, почувствовав, что расследование примет затяжной характер, по совету знакомого юриста решили обратиться в частное сыскное бюро. Оно совсем недавно было открыто в городе, но, по слухам, успело зарекомендовать себя успешным раскрытием нескольких дел. Логика сломленных горем родителей была проста: пусть полиция ведёт своё расследование, а сыскное бюро своё — даст Бог, вместе быстрее убийцу найдут.

А найти и наказать преступника для родителей Екатерины Морозовой стало смыслом жизни.

* * *

У бывшего следователя особого отдела, отставного майора МВД, а ныне директора ЧАСТНОГО СЫСКНОГО БЮРО, Антыхина Владимира Олеговича, до глубокой ночи горел свет. Он сидел в кресле, подавшись вперёд, и в который раз просматривал видеоматериал, отснятый ребятами из полиции в день убийства актрисы. Спасибо, Коля Романов, многолетний сослуживец и друг — «профессор в деле экспертизы», как его уважительно называли коллеги, на свой страх и риск, сбросил этот материал на флешку. И сейчас Антыхин, по сути, смотрел копию, но от этого зрелище не становилось менее страшным.

Вначале видеокамера давала общий план гримёрной. Упавший стул. Перевернутая коробка с гримом на полу. Беспомощно разбросанные руки актрисы. Красиво, в театральной позе, подогнутые ноги, будто и в последние минуты жизни она хотела выглядеть эффектно. Но вот камера делает наезд на лицо убитой и Антыхину хочется отвернуться, однако он заставляет себя смотреть. В кадре пустые глазницы, запёкшиеся от крови. Вот всё, что осталось от изумрудно-зелёных, с загадочной поволокой глаз актрисы. Антыхину стало душно. Он раздражённо закрыл ноутбук, комната мгновенно погрузилась в темноту, одёрнул штору, открыл окно и закурил. Стояла глубокая

ночь. Было так тихо, что Антыхин слышал удары собственного сердца, а вот сердце Екатерины Морозовой перестало биться...

Впервые он увидел её два года назад, когда ещё служил в МВД. После служебного дня, вдвоём с Николаем Романовым, они проходили мимо театра. Морозова стояла в окружении группы молодых людей и, слушая их, чему-то весело смеялась. Антыхин был очарован ею.

— Кто это? — шепнул он Романову.

— А ты не знаешь? — удивился тот. — А ещё следователь по особо важным делам. Да важнее этой девушки в нашем городе нет. Докладываю, товарищ майор. Перед вами Екатерина Морозова — новая актриса драмтеатра. Хочешь, познакомлю?

— Да куда мне! — отмахнулся Антыхин. — Я ей в отцы, пожалуй, гожусь. Вон, вся голова седая.

— Седина в голову, а бес в ребро! — подмигнул Николай.

— Нет-нет, товарищ эксперт, после развода с женой я стал целомудренным.

Так, смеясь и болтая, они прошли мимо Кати Морозовой. Тогда, может быть, впервые в жизни Антыхин пожалел, что ему сорок пять.

Но жизнь Кати уже в прошлом. Думал ли он, что ему придётся расследовать её убийство? Антыхин прикурил потухшую сигарету и, опёршись на оконную раму, задумался. Конечно, у

Екатерины Морозовой биография непростая, особенно для провинциального города. После окончания школы сразу же поступила в столичный театральный институт. А конкурс там, говорят, будь здоров! Все, кто знал её, были уверены, что в Верхнегорск она уже не вернётся. В столице чего только нет. И театры знаменитые, и киностудии, и телевидение. Но Катя всех удивила. Вернулась домой после окончания института и поступила на службу в местный театр. Где логика? Все артисты в столицу рвутся, а тут и талант, и красота — всё при ней, а она решила посвятить себя провинции. Правда, Морозова, чуть ли не с первого дня, стала ведущей актрисой труппы. Могла привлечь её такая перспектива? Кто знает? Её об этом уже не спросишь. Но с другой стороны, если горожане и стали ходить чаще в театр, то, в основном, чтобы посмотреть на игру Морозовой. Конечно, это могло быть стимулом для неё. Сила её обаяния была такова, что не только мужчины, но и женщины восхищались ею. И вот её не стало. Антыхин чисто по-человечески ощутил горечь потери. Такие люди — украшение города. И кому она могла помешать? Разве что маньяк-убийца мог поднять на неё руку. Но в их городе сроду не было слышно о маньяках. Более того, статистические данные о преступности в Верхнегорском районе говорили о том, что за последнее время не то, что убийств, даже серьёзных

правонарушений не было. Так, пьяные драки, мелкое хулиганство, в худшем случае, группа беспризорных подростков ограбит сельскую церковь или магазин на окраине города. И вот, на тебе — убийство с особой жестокостью. Н-да, задача... Горячий пепел от сигареты обжѐг Антыхину пальцы, прервав размышления. Он опять включил ноутбук и, крепко сцепив пальцы рук, замер перед монитором. Распластанное тело девушки, зияющие пустотой глазницы...

— Нет! Всѐ! Хватит!

Антыхин выключил ноутбук, отодвинув его подальше, будто он был в чём-то виноват. Машинально включил телевизор. На каком-то местном канале женоподобный певец, виляя задом, пел о странностях любви. Ничем более идиотским сегодняшний день нельзя было закончить. Антыхин тяжело вздохнул, нажал на кнопку дистанционки и в квартире наступила тишина, прошѐл в спальню. Под тяжестью его крупного, крепкого тела жалобно скрипнули ножки широкой двуспальной кровати. В последнее время он чаще ночевал на работе, чем здесь в пустой холостяцкой квартире. Но сегодня в офисе на день отключили электричество, и он вынужден был остаться дома, где всё напоминало о неудавшейся семейной жизни. Нет, на жену он не был в обиде, хотя она сама ушла от него. Он был слишком увлечѐн своим делом, а она хотела иметь,

как однажды выразилась, нормальную семью. Детей у них не было, поэтому расстались относительно легко без слёз и упрёков. Антыхин ещё больше времени стал уделять работе, и этим был счастлив. Во многом это и его заслуга, что уголовный мир десятой дорогой обходил Верхнегорск.

Табло электронных часов показывало четыре утра. За окном посветлело, а сон к Антыхину всё не шёл. Вспомнилось ему почему-то, как уходил из полиции. На удивлённые вопросы сослуживцев, с чего это он решил в частные сыщики податься, отвечал: «Не хочу ни от кого зависеть. Сам желаю зарабатывать деньги, своим умом». И действительно несколько дел он раскрыл быстро и умело. Правда, обращались к нему новоиспечённые бизнесмены, которые не хотели привлекать к своим проблемам общественный интерес. Да и дела, если честно, были для опытного следователя пустяковые. В целях экономии работал и директором, и детективом в одном лице. В случае финансовых операций, в офисе изредка появлялся бухгалтер. Вот и все служащие бюро. Если был нужен опытный эксперт, то помогал Коля Романов. Редкий он парень — для друга в лепёшку разобьётся, а выручит. Коля был страстный любитель пива, поэтому и вознаграждения признавал только в виде этого, как он говорил, —

божественного напитка. Вот так бы и работал спокойно Антыхин, защищая интересы нарождающегося класса буржуазии, если бы не убийство Кати Морозовой. Да, тут дело иного рода, заковыристое, покачал головой Антыхин. Весь город растревожен. Вот и докажи, что частный детектив Антыхин чего-нибудь да стоит, что честно свой хлеб ест. Он поднял голову и поморщился от яркого солнечного света. За окном начинался новый день. Антыхин понял, что сегодня уже не уснёт. Он раздражённо отбросил одеяло, рывком поднялся с постели и решительно отправился в ванную. Несмотря на возраст, держался он по-спортивному прямо, лицо его, загорелое, немного обветренное, можно было назвать привлекательным, если бы не приплюснутый, сломанный в былых боксёрских поединках, нос. Антыхин включил холодную воду и, фыркая, стал под душ. Покалывающие ледяные струи бодрили и наполняли тело новой силой.

Глава вторая

Директор театра, Смирнов Василий Васильевич, устал отвечать на телефонные звонки. Мобильный он вообще выключил и забросил в ящик письменного стола, и только городской телефон продолжать честно трудиться. Казалось, выразить соболезнование по поводу гибели актрисы

Морозовой желали все жители Верхнегорска. Снова зазвонил телефон. Директор поморщился: «Эх, при жизни бы так заботились!» Грустным взглядом он обвёл стены кабинета, увешанные афишами. На многих из них было набрано крупным шрифтом: В ГЛАВНОЙ РОЛИ — ЕКАТЕРИНА МОРОЗОВА. «Как работать дальше? Где найти замену Катюшеньке?» — как он за глаза называл Морозову. Телефон продолжал звонить. Директор поднял трубку и, выслушав очередное соболезнование, не в силах больше находиться в кабинете, вышел в фойе театра. Но и здесь всё напоминало о трагедии. Плотнo зашторенные окна, в полумраке таинственно поблескивали позолоченные канделябры. Перед парадным входом, в колеблющемся пламени восковых свечей, улыбалась на увеличенном по такому случаю фотопортрете Екатерина Морозова. «Как живая», — потерянно прошептал директор. Иногда через фойе проходили, низко опустив головы, работники театра. На мгновение задерживались у портрета, клали цветы, а потом будто растворялись в полумраке. «Спорим, завидуем, ссоримся, а приходит беда — любить начинаем. Странные мы всё-таки люди», — сделал грустный вывод директор. Услышав настойчивые звонки из своего кабинета, шаркая больными ногами по паркету, всё-таки семьдесят лет — не шутка, он поспешил

обратно на своё привычное рабочее место. Директор искренне хотел давно уйти на пенсию, да начальство не отпускало. В департаменте культуры ему говорили, улыбаясь: «Ну, где мы ещё такого, как вы, найдём?» — «Дурака», — мысленно добавлял от себя директор и продолжал тянуть тяжёлый театральный воз.

Из-за дверей приёмной, выглянула юная черноглазая секретарша.

— Где же вы ходите, Василий Васильевич? Телефон просто разрывается!

— Не кричите, — сказал он тихо, с укором. — У нас всё-таки человек умер.

Секретарша виновато прикрыла рот ладонью. Из глаз её побежали крупные слёзы.

Директор, как сейчас, помнил тот страшный день. В театре был редкий аншлаг. Шёл спектакль «Укрощение строптивой» по пьесе Вильяма Шекспира. В главной роли Катарины, как всегда блистала Екатерина Морозова. Но в тот вечер она просто превзошла себя. Первое действие часто прерывалось аплодисментами. В антракте, в прекрасном настроении, директор зашёл в закулисный буфет выпить обязательную рюмочку коньяку. Для тонуса, как любил говорить он. И вдруг отчаянный крик донёсся со второго этажа. В нём было столько ужаса, что сердце директора сжалось в предчувствии беды. Не чуя ног, он

побежал наверх. Возле распахнутой двери гримёрной Морозовой толпились работники театра. Не решаясь переступить порог, Василий Васильевич протиснулся сквозь толпу и замер... Он не помнил, сколько времени находился в состоянии шока. Очнулся Василий Васильевич от громкого хлопка оконной рамы. «Ну и сквозняк здесь, однако», — почему-то подумал он. Тут же ему стало дурно. Кто-то из актёров вывел его из гримёрной, дал валидол...

Резкий, пронзительный звонок внутреннего телефона вернул директора в сегодняшний день. Он вздрогнул и поёжился. «Надо бы этот аппарат заменить. Вопит, словно беду кличет. Вот и накликать...» Директор поднял трубку.

— Василий Васильевич, докладывает дежурный. К вам тут следователь просится...

— Пропустите же его. Пропустите, — торопливо прервал разговор директор. Сейчас он был рад любому собеседнику. — Машенька! — крикнул он в приёмную. — Ко мне сейчас посетитель придёт, так вы нам чайку подайте, пожалуйста.

— Хорошо, Василий Васильевич, — всё ещё всхлипывая, ответила секретарша.

Стараясь не нарушить траурную атмосферу, в кабинет тихо вошёл Антыхин. Директору сразу понравилось его приятное, мужественное лицо.

Опытным взглядом специалиста, много лет соприкасавшегося с чудом актёрского перевоплощения, он почти безошибочно научился угадывать характеры. Следовательно производил впечатление человека интеллигентного. Это то, что сыграть невозможно. Такие люди изнутри как будто светятся добром.

— Здравствуйте, Василий Васильевич, — поздоровался Антыхин. — Позвольте представиться: Антыхин Владимир Олегович.

— Здравствуйте, — директор улыбнулся кончиками губ. И от этого лицо его приобрело ещё более грустное выражение.

Секретарша, опустив глаза, робко вошла в кабинет, подала чай и как-то неловко, боком вышла за дверь.

— Садитесь, Владимир Олегович, — предложил директор. — Пейте чай и задавайте свои вопросы. Постараюсь быть полезным вам.

— Василий Васильевич, хочу сразу сказать, я не из полиции. Я представляю частное сыскное бюро. Хотя до этого служил в органах следователем по особо важным делам. Дело в том, что родители Морозовой попросили меня параллельно с полицией заняться делом об убийстве их дочери.

Директор неловко кашлянул.

— Видите ли, мне всё равно, кто найдёт убийцу, главное — чтобы его нашли. Таковую

девушку убил. Подонок! А какая она была актриса! — Директор не сдержался и ударил кулаком по столу. Но тут же спохватился: — Простите. Так чем могу быть полезен?

Только сейчас Антыхин сел за стол и отпил глоток чая.

— Василий Васильевич, о Екатерине Морозовой, я знаю очень мало. Была красива, талантлива... В общем, одни плюсы, а меня и минусы интересуют. Какие у неё были взаимоотношения с коллегами? Были ли враги? С кем дружила? Кого любила? Кого ненавидела? Может быть, кто-то угрожал ей? Сами понимаете, не из праздного любопытства интересуюсь.

— Признаюсь, вы мне с первого взгляда симпатичны, Владимир Олегович. Хочется верить, что вы найдёте убийцу. Я постараюсь помочь вам, хотя, про то, что я вам расскажу, наверное, многие знают. После окончания театрального института, как известно, Катя вернулась домой и поступила на службу к нам, в провинциальный театр. Думаю, что на это у неё были личные причины. Ещё школьницей она познакомилась с актёром нашего театра Павлом Раевским, надо сказать, внешне очень красивым человеком. Актёр он, правда, средненький, но как говорят в театре: «Штаны нам дороги любые»... Хотя, справедливости ради, хочу отметить, что были у него и актёрские удачи.

Насколько их отношения с Катюшей были серьёзны, я не знаю. Но в театре роман обсуждался очень активно. Сами понимаете — юная девушка и вполне зрелый мужчина, чем не тема для разговоров? Но Раевский тогда не был женат и интерес к их отношениям со временем поутих. Знаю, что Раевский готовил Катю к вступительным экзаменам в институт и подготовка, видимо, была серьёзной, говорю это без доли иронии, потому что поступила Морозова в столичный ВУЗ легко, без проблем. Пока Катя училась, Раевский женился. И довольно удачно, как сейчас принято считать, на дочери президента коммерческого банка «Монолит» — Кравченко Ольге Семёновне. Сейчас она по мужу Раевская. На репетиции и спектакли Раевский стал приезжать на дорогой иномарке, говорили, тесть подарил. А актёры у нас не разбалованные достатком, так эта иномарка, думаю, им верхом счастья показалась. Некоторые ему завидовать стали. Но считаю, что напрасно, не принёс ему этот брак, счастья, так мне кажется. Частенько выпивать стал. Даже на спектакли, бывало, под хмельком приходил. А может быть, деньги его просто развратили. Кто знает? И тут как раз Катюша Морозова в нашем театре появилась. Раевский выпивать прекратил, даже осанка у него изменилась, подтянулся как-то весь. Не знаю, как они встретились, о чём говорили, но, думаю,

интимных отношений между ними не было. Раевский ведь был женат. А дружить они дружили, а как же иначе, ведь на сцене им вместе приходилось играть. Хотя Катя его, конечно, любила, иначе в Верхнегорск не вернулась бы. Но чувства свои она умела сдерживать.

— А почему вы думаете, что интимных отношений не было? — прервал директора Антыхин.

— Я же вам говорил, — усмехнулся директор. — В театре ничего не скроешь, а впрочем... — развёл он руками. — Чужая душа потёмки.

— А как вы считаете, Василий Васильевич, любил Раевский Морозову?

— Не мог не любить. Но комфорт любил ещё больше. Зачем ему было рисковать? Эх, да что там! Её все любили, от мужчин отбоя не было.

— А если предположить, что Морозова отвергла Раевского. Мог он ревновать её к другим мужчинам?

— Абсолютно верно, мог. Да только не появилось у неё мужчин. Ни одного. Катя всю себя делу отдавала. Оттого у неё и успехи такие. Вот даже собирались, несмотря на молодость, к званию представить. И — на тебе! Такая беда приключилась.

Директор заметил, что Антыхин всё время